

Арон Липовецкий

Каникулы

Книга стихов

Арон Липовецкий

Каникулы. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942756

ISBN 9785449344571

Аннотация

Простенькая книжка для чтения в дороге. Ничего искреннего, никакого шутовства, мук любви, без пафоса упований, без ностальгии или сезонных переживаний, т.е. ничего для т.н. любителей поэзии. Одни понты. Такие книжки с нежной похвалой дарят недругам, добравшись до места.

Содержание

«Зима – это кофе, лимон...»	5
Кино	6
«Кто-то раздавил комара...»	7
«Речь повседневности меж «как живешь» и...»	8
«Какая разница, что это был за храм...»	10
«Проснуться и...»	11
Каникулы	12
«Со дна бокала пузырьки...»	13
меланхолическая импровизация	14
«Износил свое тело до дыр...»	15
«Ты поздно родился, комарик...»	16
Метафизика парка	17
1	17
2	18
3	19
Петербургская элегия	20
«Нам в отпуске везло: летали самолеты...»	21
Старый дворник	22
Москва	24
Парад	25
«Что толку корчиться строкою на листке...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Каникулы

Книга стихов

Арон Липовецкий

© Арон Липовецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-4457-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Зима – это кофе, лимон...»

Зима – это кофе, лимон,
В подъезде растаявший снег
Да шарфик из козьего пуха.
А осень – арбузный звон,
Упругие линии бронзовых тел,
И о зиме – ни слуха.

Кино

Она, конечно, убежит, поскольку, если нет,
то вот на этом кадре вот закончится сюжет.
Потом ближайший друг продаст, потом дитя убьют,
ведь, если будет что не так, бестселлеру капут.
Щепотка ностальжи взасос, слезливый злой старик,
из Мандельштама парафраз, растрепанный парик.
Догадливый наивный фрик, его ножом пырнут.
Всё-всё на голубом глазу по списку помянут.
Во лжи погряз игривый крик, смешной еврей-сосед,
там вскрыт конверт, там скрип окна, там долга темный
след.
Запрыгнет кошка на балкон, свою умерив прыть.
Я тоже там стою в дверях. И стоит ли входить?

«Кто-то раздавил комара...»

Кто-то раздавил комара
на метлахской плитке в туалете.
Он присох и с этого одра
напоминает каждый день о лете.

«Речь повседневности меж «как живешь» и...»

Речь повседневности меж «как живешь» и «здравствуй», жаргона и жестких слов из деловых бумаг включает сказку, как диковинный предмет, который бесполезно редок, но все же красив необъяснимо, скрывая в патине иных нам непривычных слов вздох давних лет. Их нет уже в помине: ни Пелагеи — ключницы, ни зелья приворотного, ни святок. Все яства съедены, но тяжесть их медовую хранят слова. От них все веет пряный запах, теперь уж непонятный. По нему уж не восстановит протяжность ритма обыденности давней и саму среду, которой это все сродни, которой не чужды были гаснущие уголья намеков, укоров и печали, упрятанной в наивную мечту. И что нам эта давность, что за нужды дают нам право выдергивать для вздора своих теорий события, даты, имена, легенды? И что за смысл в уроках истории, ее упреках, в наставших сроках и в проклятых роках? Все по-другому было, все не так являлось в те, отошедшие в небытие моменты.

Мы не подтверждаем, нет иного прока
в нашем пульсе, чем войти, как малость,
в ушедший гул времен и унести с собой
все наши слабости, ошибки, подвиги, пророков
и то неуловимое, чем живы мы и что зовем судьбой.

«Какая разница, что это был за храм...»

Какая разница, что это был за храм,
Где я свечу поставил за тебя?
Тогда я был бы мил любим богам,
Любой обряд любя.

И, если тонкий жгутик фитиля
Мою молитву Богу доносил,
То строгий ангел с дверцы алтаря
Мне святотатство помыслов простил.

«Проснуться и...»

Проснуться и,
не открывая глаз,
знать, что еще темно,
раз одинокий соловей
поет тебе в окно.
Он далеко, он у моста,
его блаженный глас
под небеса пролит.
А он с соседнего куста
творит и мост и небеса,
и горизонт творит.
И лучше глаз не открывать,
себе свободу даровать,
услышать эха вертикаль.
И снова необъятна даль
и первозданна нагота
шоссе, кустов, моста.

Каникулы

Духовитый настой венских стульев и пыльных гардин,
Он тебя заведет в лабиринт полустертых отметин,
Запустеньем наполнен наследства грибной габардин
непошитых пальто, не распетых в два голоса сплетен.

Поманит законная даль конопатою бойкой жарой,
Дразнит плеск у моста и песок на открытой странице.
Жми по центру, Санёк, захлебнись беззаботной игрой.
Твой доверчивый август в зените все длится, и длится.

«Со дна бокала пузырьки...»

Со дна бокала пузырьки
стремятся вверх по росту
или, точнее, по величине.

Вот крупные, зажав свои мирки,
всплывают на поверхность и с погоста
ее оказываются вовне.

А мелкие несут свой хмель в виски,
сливаются под черепной коростой
и образуют пустоту во мне.

Так двух пустот тиски
удерживают в равновесьи тело – остов,
их обе разделяющий вполне.

меланхолическая импровизация

вчера был вторник представляешь да
а сегодня уже среда
и от вторника ни следа
а во вторник очередь заказать туда
лишь во вторник, где трубки и провода
а сегодня уже среда
не придет твоя очередь никогда
разве только очередь в никуда

«Износил свое тело до дыр...»

Износил свое тело до дыр,
а душа молода и глупа.
Господи, где у тебя эликсир,
старящий душу твоего раба?

«Ты поздно родился, комарик...»

Ты поздно родился, комарик,
Уж август подходит к концу
И дождь по стеклу барабанит,
По крыльям тебе, не жильцу.

Влетай в приоткрытую створку
И в пасмурной кухне кружи.
Здесь пахнет не кровью, а хлоркой,
Попробуй продли свою жизнь.

Ни пищи тебе, ни боренья,
Мы оба, как небо, бледны,
Пьяны ожиданием тленья,
В посредники посвящены.

Здесь царствуют морока звуки,
Не слышен сородичей рой.
Влетай и целуй мои руки,
Поскребыш, уродец, изгой.

Метафизика парка

1

В одну из оловянных пауз
парк, не зачав еще ни листьев, ни травы,
креня стакан своим сквозным запястьем,
ллет в губы гуммигутовый закат,
истолковав присутствие как завязь
столоверченья с перечнем напастей
из памяти изъятых под заклад.
Весь – угол рта, синюшные подглазья —
парк, видно, счел меня своим врагом,
поскольку отдал мне глотать свой ужин.
Нет смысла уклоняться от соблазна
пустить к миндалинам колючий ком
издержек прошлого, когда и так простужен.
Но призрак трапезы есть каверза ума,
путь прихоти которого уродлив,
ведь давность умещается в стакан,
не изменившись ни на кегль сама.
Парк – просто торопливый иероглиф
на решке дней. Не опознать чекан.

2

Эйнштейн был прав, считая
время четвертым измерением,
осью, означенной латинской *t*.
Оплачивая этих дней счета, я
вдобавок нахожу, что время – деньги.
А памяти высокие жете
назначены покрыть оси пробелы,
изъятия в уплату за долги.
И пребыванье здесь – по сути склока
о валюте. Скупиться или тратить дух и тело —
все мотовство. Стареют уголки
судьбою нам отмеренного срока,
в чьей форме нет возврата на круги.

3

Что мне до сумеречных выводов ума,
который ищет логику в созвучьях?
Он сам противоречил бы себе,
когда б не предназначенность письма
протоколировать его следы паучьи,
«смешные, может быть, всевидящей судьбе».
А вечер в парке свелся к пустякам,
до процедуры принижения боли.
Когда ты опрокинут, то с лица
стекает влага по нагим вискам
к затылку и далее и не играет роли,
что примешалось: дождь, слеза.

Петербургская элегия

Юлии Кокуевой, художнице

Север, север, двойные рамы, светлые ночи
и затянувшийся на долгий взгляд рассвет.
В окнах при желтом вздохе еще бормочет
под растворимый кофе невыспавшийся поэт.

Смиренный викинг, где дальний обшлаг залива,
из-под Москвы татары, под боком стоит пруссак.
Только вверх глазеть да уповать болтливо
на лестницу в небо, с чашкой, в одних трусах.

Прошлое настоялось и выстояло настоящим,
разлито по парадным мерцанием на просвет.
Что тебе здесь? Ты не впередсмотрящий,
так пригуби, поежься, облокотись в ответ.

Сырые стоны по борту, небеса в канавке,
морозный гул от верфи сукровицей подвоха
растеклись по венам дворов, где ожиданья навыв
передается эстафетной палочкой Коха.

«Нам в отпуске везло: летали самолеты...»

Нам в отпуске везло: летали самолеты,
жилье сдавалось, было, что поесть,
и говорили, что такой погоды
здесь не было уже лет пять иль шесть.

Ресницы выгорели, спины почернели,
мы прижились в чужбине. И тогда,
как возвращение домой, в конце недели
сошла скопившаяся за шесть лет вода.

Померкший свет увяз на занавеске,
в герани, в фотографиях. В тазу
светились яблоки, как лики с фрески.
Тьма не ушла совсем, она внизу

была: в углу, за створкой, под кроватью,
где, добираясь, оставался взгляд,
и мысль, и память, и строка в тетради.
На три недели, навсегда назад.

Старый дворник

Старый дворник педантично
За листом сметает лист,
Свист не слышит крыльев птичьих
Не грустит аккуратист.

Он исполнен чувства долга
Пред вселенской чистотой.
И бессмысленность итога
Молкнет жалобой пустой.

Странен он в своем усердии,
Ведь сентябрь еще в начале,
И еще не жжет в предсердии
Боль, как приступа зачатые.

Будет тяжелой эта осень,
Может быть последней будет.
Дни по капле жизнь уносят.
Время даже память губит.

И из всех его занятий
Может смысл лишь только в этом,
Чистить двор от листьев мятых
Для последнего привета,

Для последних белых простынь
Зимнего недомоганья.
Всё слетают листьев горсти,
Непрестанно их порханье.

Так непросто вымести мусор
Ежедневного паденья
И болезненных укусов
Неумного сомненья.

Москва

В этом городе такой обглоданный закат
и такие пенные кварталы.

Даже, если б был я Герострат,
я влюбился в этот город и тогда бы.

Парад

Люблю Берлин в начале мая
под каблучков твоих дуэт.
Он сам к ногам твоим склоняет
штандартов шелк и вишни цвет.

**«Что толку корчиться
строкою на листке...»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.